

То, что он забыл, стало для Се Цзыцзина драгоценным сокровищем, бережно хранимым в его маленьком, с трудом поддерживаемом «море сознания».

Се Цзыцзин снова протянул руку, чтобы ущипнуть Цинь Гэ за щеку, но на этот раз тот не уклонился.

— Ты забыл, — сказал Се Цзыцзин. — Ты никогда меня не помнил.

Цинь Гэ подумал, как он мог запомнить? Для него тогда Се Цзыцзин был просто прохожим.

Се Цзыцзин наклонился и поцеловал его в лоб, затем, после мгновения колебания, коснулся губами кончика носа Цинь Гэ.

— Прости, — тихо сказал Цинь Гэ. — Я буду помнить с этого момента.

Се Цзыцзин внезапно заволновался. Его глаза покраснели, он крепко обнял Цинь Гэ, прижавшись к его плечу, и только глубоко дышал. Цинь Гэ поспешил обнять его, мягко похлопывая по спине.

— ...После Турнира навыков начались каникулы, — хриплый голос Се Цзыцзина выдавал скрываемые слёзы. — Я получил уведомление о зачислении в «Новую надежду». Отец был счастлив и планировал поездку, мама сказала, что у неё есть знакомые в Лхасе, и мы быстро решили отправиться туда.

Цинь Гэ замер.

Тот год стал для него самым мрачным и тяжёлым в жизни.

— В нашем маршруте был Храм Цзиу, — Се Цзыцзин не поднимал головы и не отпускал Цинь Гэ.

Цинь Гэ похлопал его по плечу:

— Се Цзыцзин... что ты имеешь в виду? Объясни. Посмотри на меня!

Се Цзыцзин не мог смотреть в глаза. Он прикрыл лицо рукой, опёрся на перила и, спустя долгую паузу, тихо заговорил.

— Узнав, что твои родители погибли в Луцюане недалеко от Храма Цзиу, я долго сомневался. Я хотел сказать тебе, что, возможно, знаю что-то, но не могу вспомнить. — Его голос дрожал. — Цинь Гэ, я боюсь. Я трус... Я боюсь, что ты потребуешь раскрыть секреты моего «моря сознания». Мне это не нравится... Поэтому я молчал.

Цинь Гэ резко отстранил его руку, глядя прямо в глаза:

— Почему ты решил рассказать сейчас? Потому что узнал, что Бай Сяююань и Тан Цо тоже связаны с инцидентом в Луцюане?

Се Цзыцзин кивнул.

— Прости, — он взял руку Цинь Гэ, не в силах смотреть на него, и прикрыл ею свои глаза. — Прости... Я... Я точно что-то знаю, эти воспоминания, возможно, где-то рядом. Но я так боюсь... Моё «море сознания» ужасно, отвратительно, прости... Я хотел сказать тебе, но не мог. Я не могу спать, я постоянно думаю об этом.

Только когда он узнал, что инцидент в Луцюане связан и с Бай Сяююань, и с Тан Цо, которые никогда не прекращали искать правду.

— Правда может быть у меня в голове.

Ладонь Цинь Гэ стала влажной. Се Цзыцзин плакал.

— Прости, — он продолжал извиняться.

— Се Цзыцзин, посмотри на меня, — сказал Цинь Гэ. — Если ты не согласишься, я больше никогда с тобой не заговорю.

Се Цзыцзин отпустил руку, сначала вытер лицо, потом поднял глаза. Цинь Гэ приблизился, поцеловал его в подбородок, губы и щёки, ещё влажные от слёз.

— ...Я был неправ, — с трудом выговорил Се Цзыцзин между поцелуями.

— Ты не сделал ничего плохого, — Цинь Гэ прижался к нему, его голос был таким же прерывистым, как дыхание, слова вырывались из уст, смешиваясь с их губами. — Кто сказал, что твоё «море сознания» отвратительно? Лу Цинлай?

Се Цзыцзин на этот раз не стал уклоняться. Он кивнул.

— Учитель Лу прав. Ни у кого нет такого «моря сознания»... Оно ненормальное.

— Ненормальный — это Лу Цинлай, — Цинь Гэ взял лицо Се Цзыцзина в руки, желая вытащить из его головы всё, что Лу Цинлай в него вложил, и, глядя на него, твёрдо сказал:

— Твоё «море сознания» не отвратительно, и ты тоже. Кто-то точно тебя полюбит, например я,

Бай Сяюань и Тан Цо. Се Цзыцзин, мир стал лучше с тобой. Я не люблю Гао Тяньюэ, но единственное, за что я ему благодарен, — это то, что он привёл тебя в Отдел регулирования, где я с тобой познакомился.

Голос Цинь Гэ тоже дрожал. Он давно не привык так открыто выражать свои чувства.

— Если ты действительно что-то видел, все будут тебе благодарны, — он смотрел на покрасневшие глаза Се Цзыцзина. — Особенно я. Запомни. Я всегда буду благодарен тебе за всё, что было и есть.

Се Цзыцзин снова крепко обнял его.

— Я знаю, ты жалел меня, — он прошептал, его голос был влажным и низким, обволакивая ухо Цинь Гэ. — Мне не нужно жалость, и я не хочу благодарности.

Цинь Гэ ждал продолжения, но Се Цзыцзин, глубоко вдохнув, проглотил слова, которые уже готов был произнести.

— Зайди внутрь, Цинь Гэ, — тихо сказал он. — Но если моё «море сознания» тебя напугает, я могу возненавидеть тебя.

Цинь Гэ закрыл глаза. Тёплая сила поднялась изнутри, мягкая и плотная, обволакивая их обоих. Мелкие волоски касались холодных рук и лица Се Цзыцзина, его слёзы катились по щекам, и, охваченный тревогой, он мог только крепче обнимать Цинь Гэ.

«Море сознания» Се Цзыцзина оставалось прежним, Цинь Гэ не заметил никаких изменений.

Он открыл третий ящик — букет всё ещё лежал там. Но теперь, глядя на него, Цинь Гэ испытывал сложные чувства. Во втором ящике были грамоты и фотографии Се Цзыцзина с того дня. Взгляд Се Цзыцзина был направлен куда-то за кадр, на губах играла улыбка.

Неожиданно перед Цинь Гэ предстали воспоминания, о которых он даже не подозревал. Он поставил фотографию Се Цзыцзина рядом с собственной на столе и, спустя долгую паузу, произнёс:

— Дурак.

За спиной раздался скрип, и шкаф приоткрылся.

Цинь Гэ вскочил, подбежал к шкафу и распахнул дверь.

Внутри сидел человек. Свет, ворвавшийся внутрь, осветил его лицо, и сердце Цинь Гэ

заколотилось: это был молодой Се Цзыцзин.

С точно такой же причёской, как на фотографии, в такой же спортивной форме. Он смотрел на Цинь Гэ, протянув руки. Цинь Гэ обнял его, и в этот момент заметил, что в тёмном углу шкафа, казалось, задул ветер, шевеля их волосы.

Дверь шкафа захлопнулась, и они оба упали на пол комнаты.

На потолке не было лампы, но комната была ярко освещена. Восемнадцатилетний Се Цзыцзин сидел на нём, наклонился и осторожно поцеловал, затем лёг на Цинь Гэ, с невероятной силой прижимая его к себе.

— Ты вырос, — его голос был совсем другим, ещё не испорченным сигаретами, сохранившим немного юношеской наивности. — Я всегда мечтал так лежать с тобой.

— ...С какого момента?

— С первой встречи.

— С Турнира навыков? Малыш, мне тогда было всего 14.

На молодом лице Се Цзыцзина появилась улыбка:

— 14-летний ты был милее, чем сейчас.

Цинь Гэ назвал его «извращенцем». Се Цзыцзин закрыл ему рот поцелуем, потом поднял голову и пристально посмотрел на него.

Цинь Гэ тоже внимательно разглядывал его.

Это было ненормально. Голос в голове напомнил Цинь Гэ: «Это совсем не нормально».

Перед ним был Се Цзыцзин, его самосознание в «море сознания». Но он оставался в облике 18-летнего юноши — самосознание каждого человека меняется с возрастом и опытом, оно не может оставаться неизменным, если только психический мир стража или проводника не застыл на определённом этапе.

— Что случилось в Храме Цзиу? — спросил Цинь Гэ.

Се Цзыцзин сел, потер глаза.

— Если я расскажу, я заплачу, — он указал на потолок. — И он тоже расстроится.

— Я утешу тебя, — сказал Цинь Гэ. — Я всегда буду с тобой.

Юноша улыбнулся, его глаза постепенно краснели:

— Мне нравится это слышать, даже если это неправда.

Он помолчал, затем начал.

— Многие воспоминания уже исчезли или не могут соединиться воедино. Но некоторые, особенно яркие, остались, — он указал на свою голову. — Наша первая остановка была в Лхасе.

<http://bllate.org/book/15560/1384731>